

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 18 (446)

19-й г. издания

Подписная цена для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., за ¼ г. — 25 фр.; для С.А.С.Ш.: за год — 6 долл., за ½ г. — 3 долл., за ¼ г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г. — 40 фр. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII, Tél.: Port-Royal 05-25. Chèques Postaux: Le Courrier Socialiste — 359,84 Paris. Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

19 Октября 1939 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Фридрих Адлер. И все же — минута воспоминания!
Ф. Дан. Под гром пушек (Мысли вслух).
Р. Абрамович. Намерения и дела Сталина.
А. Югов. СССР как поставщик воюющей Германии.
В. Александрова. «Второе рождение».

Странник. С оккупационной армией в Польше.
Д. У счастливого недруги мрут...
С. Шварц. Европейский коммунизм после 25-го августа.
Партийная трибуна: О. Доманевская. Германско-советский пакт.
Заметки: Мир после войны. — Жиромский о программе мира.

Extrait du sommaire: Articles de F. Adler. Sur le 75e anniversaire de l'Internationale; de R. Abramovitch sur les intentions et les actions de Staline; de Th. Dan. Au tonnerre des canons (Pensées parlées); de A. Jugow. Sur les possibilités de ravitaillement de l'Allemagne par la Russie soviétique; de S. Schwarz. Sur le communisme européen après le 25 août; de V. Alexandrova. Sur l'évolution de la Société soviétique et la collusion stalino-hitlérienne, etc. — Tribune libre: Article de O. Domanevskaia. sur le pacte germano-soviétique.

ФРИДРИХ АДЛЕР.

И все же — минута воспоминания!*)

Когда исполнилось 50 лет со дня основания Первого Интернационала, гром пушек и разгул национальных страстей исключили всякую возможность торжественного воспоминания об этом грандиозном и решающем событии в истории рабочего движения.

И вот, снова минуло четверть века, — и снова, как и в 1914 году, годовщина 28 сентября 1864 года совпадает с началом войны, с периодом величайших опасностей для судеб каждого в отдельности, каждой семьи, для судеб рабочего класса и человеческой цивилизации вообще. Как и 25 лет тому назад, нет никакой возможности, да нет и желания устраивать торжественные празднования. Ибо как раз те, в ком идея интернационализма пустила особо глубокие корни, наиболее болезненно переживают трагизм положения, как раз их наиболее остро терзает беспокойная мысль о том, как же могут и как должны быть выполняемы задачи, поста-

вленные перед рабочим классом всех стран Учредительным Конгрессом 1864 года. Но и празднованию прошлого, к борьбе за будущее социализма зовет момент.

Своеобразно повторяется ситуация. Перед рабочими всех стран стоит теперь клубок вопросов, совершенно однородных с теми, которые стояли перед ними и тогда, когда на большом собрании 28 сентября 1864 года в зале Сэн-Мартина Интернационал впервые принял действенный облик, — и сходство идет до мелочей.

Восстание русской Польши в начале 1863 года и его разгром царскими насильниками вызвали сильное волнение среди западно-европейских рабочих. На большое демонстративное собрание в пользу Польши, состоявшееся 22 июля 1863 года в Лондоне в зале Сэн-Джемса, прибыли французские делегаты, и, в связи с этим совместным выступлением представителей французских и английских рабочих, возник впервые план основания международного рабочего общества. Собрание в зале Сэн-Мартина, состоявшееся через год, было создано уже не в связи с польским вопросом, а имело задачей создать «узы братства, которые должны связывать рабочих различных стран и побуждать их крепко дер-

*) Мы даем в переводе превосходную статью секретаря Рабочего Социалистического Интернационала, напечатанную в № 19 от 23 сентября в австрийском «Дер Социалистиче Кампф» и в «Пополэр» от 2 октября.

жаться друг за друга в освободительной борьбе». Но заклеенное Учредительным Адресом «предательское убийство героической Польши» было еще в памяти всех, и в течение полувека раздробленная, раздавленная Польша признавалась и была представлена в социалистическом Интернационале, как самостоятельная, независимая национальная единица.

Как и теперь, и тогда имелся налицо главный виновник. «Варварская сила», совершающая ныне свои «чудовищные насилия» руками гитлеризма, тогда имела свое «возглавление в С.-Петербурге», и преступления русского царизма

«...учили рабочий класс постигать, что его долг — овладеть тайнами международной политики; контролировать дипломатическую деятельность своих правительств и, при случае, противодействовать ей всеми имеющимися в его распоряжении средствами, если не удалось своевременно помешать ей; объединяться для совместного протеста и стараться сделать верховными законами в отношениях между народами те самые простые законы морали и права, которые должны регулировать отношения между отдельными личностями. Борьба за такую внешнюю политику составляет необходимую составную часть общей борьбы за освобождение рабочего класса».

Что преодоление гитлеризма составляет главный интерес международного рабочего класса, — это мысль, столь-же общая социалистическим партиям всех стран, как обща им была в 1864 году мысль о борьбе против царизма. Глубокий антагонизм, разбивший Интернационал в 1914 году при начале войны, ныне не существует. В новой войне нет ни одной рабочей партии, готовой идеологически оправдывать хищнический поход Гитлера. Рабочие всех стран и, прежде всего, рабочие самой Германии возлагают надежды на его поражение.

Но, как ни едины рабочие всех стран в желании разгрома гитлеризма, проблемы, которые встанут после его поражения, еще более значительны и трудны. Какой вид они примут, — это зависит не от наших желаний, а от объективного хода войны и, прежде всего, от ее

Ф. ДАН.

Под гром пушек

(Мысли вслух)

Общее направление тех путей внешней политики, на которые вступил Сталин, подписывая договор с Гитлером, определяется как будто достаточно ясно.

Можно, конечно, предполагать у Сталина — опьяненные всевластием «тоталитарные» диктаторы обманывают не только других, но и подчас и самих себя! — некие дальние революционные цели, которые он, силами нетронутой Красной Армии, осуществит в истощенной долгою войною Европе. Но нужно-ли делать такие предположения? И можно-ли делать их, не рискуя впасть в новые иллюзии?

Да, по единодушному, — хотя и неодинаковому в количественной, так сказать, оценке, — свидетельству всех наблюдателей появление советской армии и советской бюрократии дает не только в оккупированной ими территории, но и за ее пределами, особенно в остальных и зрелых для аграрной реформы странах, толчок общественному возбуждению и социальным преобразованиям. Весьма вероятно, что рожденные этим толчком волны не только сравнительно скоро и сильно ударят по Германии, но, в той или иной степени, докатятся и до других государств. То — неизбежное, объективное следствие действия динамических сил, заложенных

продолжительности. В правительствах, ведущих войну против Гитлера, социалисты пока вообще не представлены. Мы не сожалеем об этом и в то же время не переоцениваем значения этого симптома, который в ходе событий может и исчезнуть. Но это — симптом того, что старая постановка проблемы, как она дана Учредительным Адресом, продолжает существовать, и что за злодеяниями гитлеризма мы никогда не должны забывать борьбы против капиталистического строя, этого источника всех зол и, в конечном счете, и самого гитлеризма.

«Завоевание политической власти является поэтому теперь великим долгом рабочего класса», провозглашает Учредительный Адрес. Как придется нам ее завоевывать, это зависит от обстоятельств, которые будут созданы войною. Нашей задачей попрежнему является марксистское изучение этих обстоятельств и вытекающих из них возможностей. Мы еще весьма далеки от полного проникновения в суть переживаемых нами грандиозных событий, но путеводная звезда наша остается неизменной: это, как выразился Маркс в декларации Интернационала при начале войны 1870 года, работа над созданием «нового общества, не знающего внутри никакой другой политики кроме труда, потому что не имеющего вовне никакой другой политики кроме мира».

Эти строки были уже написаны, когда Молотов по радио возвестил, что Красная Армия переходит границы Польши. Так знаменует Сталин годовщину основания Интернационала, так отдает он дань памяти его протесту против «предательского убийства героической Польши!»

Поистине, нет никакой возможности и еще меньше желания устраивать торжественное празднование.

И все-же, и все-же!...

в советском государстве его историческим происхождением, его традициями, его социальной структурой. То — свидетельство живучести этих сил, хотя и придавленных железною пятою сталинской диктатуры.

Но — Сталин, как возглавитель того привилегированного слоя, который, правда, был выдвинут революцией и всем ей обязан, но историческая роль которого как раз к тому и свелась, чтобы не только остановить буйный бег революции, но еще заставить ее во многом повернуть вспять, фальсифицировать ее идеи и ее идеалы и узурпировать в свою пользу львиную долю ее плодов? Неужели в намерения Сталина, изувечившего и изуродовавшего революцию в Советском Союзе, предавшего ее в Китае и Испании, подрывавшего ее силы во всех странах мира, — неужели в его намерения может входить вытаскивать недобитые им остатки революции из того подполья, тех чекистских застенков, тех тюрем и концлагерей, в которые он ее загнал, и пустить ее гулять по белу свету, хорошо зная, что первым следствием ее успехов был бы такой могучий взрыв народного возмущения и народной активности в самом Советском Союзе, перед которым не устоял бы его, бездушный и душающий контр-революционный

режим? Разговоры о его мнимых революционных планах могли бы только помочь ему контр-революционно фальсифицировать и узурпировать — «в мировом масштабе!» — плоды тех реформаторских и прогрессивных народных движений, которые могут возникнуть и, вероятно, возникнут в ходе войны помимо и против него.

Фанфары, красные знамена, митинги, речи, единоголосные резолюции, восторженные овации по адресу весьма «зримо» — во образе дежурных чекистов — присутствующего Сталина и даже время от времени роняемые слова о «панской Польше» и об «иге польских помещиков и капиталистов» на столбах московских газет... Совсем как в 1920 году! И однако, достаточно поглядеть и посравнить век минувший, когда Ленин всерьез собирался «нести на штыках Красной Армии социализм» в Польшу и через Польшу в Европу, с веком нынешним; достаточно взять большевистскую печать того времени и печать современную, чтобы увидеть, какая поистине пропасть отделяет настроения, намерения, политику большевистской диктатуры этих двух эпох: эпохи всегда утопической, зачастую преступной, но неизменно искренней веры в «мировую революцию» и эпохи циничного, ни во что не верящего, ни к чему кроме самоутверждения насильнического режима не стремящегося хищничества!

«Освободить» Сталин собирается не столько братьев по классу, сколько братьев по расе, — совсем, как Гитлер, с тою только разницею, что непонятно, почему для стоплеменного Совтского Союза, где имеются и немцы, и поляки, и евреи, и турки, и греки, и пр., и пр., украинцы и белоруссы больше «братья по крови», чем любые другие племена и народы. Речь идет об освобождении не столько социальном, сколько национальном, — опять-таки совсем как у Гитлера. На штыках Красной Армии Сталин несет не «революцию», а контр-революционный «порядок», — на этот раз не только совсем как Гитлер, но, по его собственному торжественному заявлению, вместе с Гитлером.

Сталину нужна не революция, для его режима опасная, а «порядок» и «покой», который дал бы ему возможность «мирно» переварить насильственно захваченную добычу, а, переварив, захватывать дальше все, что плохо лежит: в Прибалтике он чинит, ведь, такого рода захваты, даже не утруждая себя революционными фразами. Там речь идет о военных гаванях, аэродромах, оккупационных гарнизонах и тому подобных внушительных и серьезных предметах, а латгальские, нарвские и прочие «братья по крови» могут и подождать!

Вот почему Сталин — еще и еще раз вместе с Гитлером! — возлагает ответственность за продолжение войны на тех, кто не хочет мириться с сегодняшним ограблением других, чтобы не стать завтра самому жертвой хищников. И вот почему Сталин вместе с ним мечтает не о революции, а о созыве конференции «великих» держав, которая бы, во имя «мира», ратифицировала сейчас созданный диктаторами Германии и Советского Союза насильнический порядок: и эта идея — идея «диктатуры» великих держав, по своему усмотрению кромсающих малые державы и переделывающих между собою мир, которую так недавно еще не уставали клеймить сталинские саттелиты, — и она стала теперь знаменем внешней политики Сталина! Он и его молодцы протестовали против прошлогодного, «малого» Мюнхена, состоявшегося без его участия. Но требует он ничего иного, как Мюнхена «большого», где ему бы принадлежало первое место и на его долю был бы выделен самый большой кусок пирога!

**

По своему социально-политическому смыслу «большой» Мюнхен означал бы нечто вроде Священного Союза великих держав, устанавливающего и в Европе, и в Советском Союзе господство «умеренного» и упорядоченного «нацизма» на основе более или менее полного огосударствления и общественной, и экономической жизни. Может ли «большой» Мюнхен оказаться сколько-нибудь долговечным при наличии колоссальных внутри- и межгосударственных противоречий, — это вопрос особый, и на который приходится отвечать скорее отрицательно. Но это во всяком случае истинная «конечная цель» нынешней сталинской политики и один из мыслимых вариантов ближайшего этапа в развитии международных отношений.

Мыслимый, но не обязательный. Ибо слишком неумеренный о своему аппетиту и слишком авантюристски «ловящий момент» динамизм сталинской политики может при известных условиях (напр., при замене Гитлера каким-либо другим, менее компрометтированным лицом) повести к возрождению политики «малого» Мюнхена, отличающегося от «большого» не столько своими конечными социально-политическими тенденциями, сколько своею заостренностью против Советского Союза.

Сталин хочет «большого» Мюнхена, но делает все для подготовки Мюнхена «малого» — хотя бы и через короткий обходный зигзаг «большого». В этом — величайшая опасность его режима и его политики уже не только для советской революции, но и для советского государства. Здесь — пункт, в котором, как уже приходилось отмечать, могут сомкнуться и, быть может, сомкнутся — хотя бы на один исторический момент, чтобы потом снова и бесповоротно разойтись, — интересы и силы советских социалистов и демократов с интересами и силами советских «патриотов», которые, в силу своей свободы от всяких «идеологий», против «большого» Мюнхена ничего не имели бы, — если бы он был исторически возможен.

Конкретной целью такой «смычки» может быть в данной обстановке лишь, как говорит напечатанная в прошлом номере резолюция нашей Заграничной Делегации, «возвращение Советского Союза в анти-гитлеровский фронт», осуществимое лишь против Сталина, на путях устранения Сталина и ликвидации его режима.

Окажется ли сталинская политика, с лживыми словами о мире, нейтралитете, локализации конфликта и пр. в устах практикующая самые насильнические захваты на деле, как раз тем рычагом, который сдвинет с позиции нейтралитета и скандинавский север, и балканский юго-восток Европы и превратит войну в обще-европейскую, чтобы сделать ее потом — «индийской» диверсией в пользу Гитлера? — мировой; увенчается ли успехом стремление московского диктатора к «большому» Мюнхену или он расчистит путь дороге Мюнхену «малому»; будет ли сам он втянут в войну на стороне Гитлера, или же Советскому Союзу будет все-же суждено, вопреки и против Сталина, занять свое место в анти-гитлеровском фронте, в рамках которого только и могут быть ограждены и его социально-политические, и его государственные интересы; — во всех этих перспективах внутренне-политические задачи русских социалистов так очевидно сливаются с внешне-политическими задачами всего международного социализма, что мысль о демократической ликвидации сталинского режима и о самоосвобождении пролетариата от большевистской идеологии, как о необходимейших услови-

ях успешной борьбы против нацизма за мир и социализм, — должна будет становиться общим достоянием всех отрядов рабочего класса.

И невольно напрашивается парадоксальная мысль: среди бесчисленных исторических парадоксов, которыми так богато наше время, не найдет ли себе место и тот, самый большой, что исходной точкой возрождения

настоящего классового единства пролетариата и подлинного, соответствующего духу и задачам момента, социалистического интернационализма окажется как раз тот парадоксальный союз «коммунистической» и «нацистской» диктатур, который грозит как будто вновь непроходимой пропастью расколоть пролетариат и убить наповал рабочий Интернационал?

Р. АБРАМОВИЧ.

Намерения и дела Сталина

Кровавый поток войны разливается все шире и шире. Надежды «локализовать» мировую катастрофу оказались, как следовало ожидать, безнадежной утопией. Уже последняя речь Гитлера перед рейхстагом поставила под знак войны не только Восток, но и Юго-Восток Европы, т. е. Балканы, Венгрию и т. д. Советское продвижение к Балтийскому морю и на север ставит под удар не только балтийские государства, но и Финляндию. От Финляндии нить тянется к Скандинавским странам, где, повидимому, скоро будет остро поставлен вопрос об экономическом «нейтралитете» и произойдет «разграничение сфер влияния» между Россией, Германией и союзниками. Таким образом, вся восточная и северная Европа от Черного моря и до Ледовитого океана прямо или косвенно попадет в полосу войны.

С другой стороны, германские войска концентрируются на западной границе Германии одновременно на юге, у границ Швейцарии, и на севере, у границ Голландии и Бельгии. Вторжение германских войск в ту или иную из этих, до сих пор еще нейтральных, стран может последовать в любой момент. Португалия уже объявила о своей верности традиционной английской «дружбе». Испания, а в особенности Италия, которая пока еще колеблется и взвешивает, но которая в качестве одной из основных держав покойной «оси», вряд ли захочет долго ограничиваться ролью «незаинтересованной наблюдательницы», вряд ли долго смогут сохранять свой странный нейтралитет. Примкнув к Германии, а косвенно, следовательно, и к большевистской России, Италия развязала бы войну на африканском континенте, а вероятнее всего в Малой Азии и на всем Ближнем Востоке. Но в Москве уже третью неделю проводит в непрерывных и трудных разговорах представитель Турции — этой хранительницы подступов к Черному морю, к Суэцкому каналу и обладательницы ключей к Балканам. Одновременно с этим иностранные газеты полны слухов о концентрации крупных советских сил на Кавказе, на границах Турции, Ирана, Афганистана. Из чисто европейской война постепенно все больше и больше превращается в мировую. Ибо не нужно быть пророком, чтобы почти с математической уверенностью предвидеть вовлечение в конфликт Японии, а затем и Северной Америки. (Финляндия и Швеция уже сейчас ищут в Вашингтоне заступничества пред СССР).

Это развитие могло бы быть приостановлено или оборвано, если бы как это иные предполагали перед последней речью Гитлера, стал возможен какой-то компромисс, который был бы приемлем на худой конец для обеих сторон и дал бы возможность потушить пожар, прежде чем он разгорелся с полной силой. Но так называемая «мирная оффензива», исходившая от таких патентованных миролюбивцев как Гитлер и Сталин, оказалась ничем иным, как попыткой навязать демократическому блоку «похабный мир», который фактически

означал бы капитуляцию мировой демократии перед большевистско-гитлеровской агрессией и должен был бы, в случае его принятия, неминуемо привести к деморализации и полному разложению демократической государственности и к фашизации всей Европы. К счастью, после достойной и ясной позиции, занятой Даладье и Чемберленом, эта — роковая для всего будущего человеческой культуры — перспектива окончательно устранена. Борьба против наступающего гитлеризма будет продолжаться, и этим самым предreshен вопрос об универсализации начавшейся борьбы.

Какова будет роль России в этом гигантском столкновении, в которое постепенно будут вовлечены все континенты мира, и которое предreshит судьбу человеческой цивилизации на десятилетия, если не на века? Это вопрос, который естественно занимает общественное мнение всех воюющих и нейтральных стран, интересующихся позицией величайшей военной державы Европы и Азии. Но вопрос о роли Советской России, как страны, с которой значительные массы пролетариата в течение долгих лет связывали революционные и социалистические надежды, привлекает к себе специальное внимание социалистических и рабочих кругов во всем мире (см. в частности статью тов. Аустриакуса в австрийском «Кампф» от 7-го окт. 1939 г.). То, что было сделано с 23 августа и до сих пор правительством Сталина, глубоко потрясло мировое социалистическое движение во всех его оттенках. Самое пылкое воображение отказывалось представить себе правительство Союза Советских Социалистических Республик, как сообщника Гитлера в его грабительском нападении — через Польшу — на западно-европейскую демократию, хранить и оберегать которую всеми силами мировой коммунизм клялся устами своих самых авторитетных вождей. Но силен консерватизм мысли и эмоций. И после первого замешательства, после первых взрывов возмущения, начинается полоса мучительных сомнений, гаданий, исканий. Что скрывается за этой непонятной игрой, каковы действительные планы и намерения Сталина? Чего добивается он в конечном счете своей маккиавелевской политикой? И не может ли в конце концов от всего этого получиться какой-то положительный результат для социализма и рабочего класса?

Непроницаемый занавес, затянутый сейчас более чем когда либо раньше над тайнами Политбюро, не позволяет делать никакого заключения насчет намерений, планов и субъективных стремлений лидеров советского государства. Гадать о них можно как угодно, в зависимости от общего подхода ко внутренней эволюции, проделанной большевистской головкой за годы диктаториальной владычества над безмолвствующей страной. Автор этих строк, как известно читателям нашего журнала, с самого начала нынешних событий был склонен допускать, что в политике советского правительства сосуществуют парал-

тельно два течения, друг друга отнюдь не исключают и пока еще не вступившие в конфликт друг с другом. Одна тенденция — чисто империалистически-националистическая, стремящаяся воспользоваться благоприятным стечением обстоятельств, чтобы под тем или иным предлогом захватить ряд плохо лежащих территорий и подчинить себе военно-стратегически, экономически и политически все пограничные с Россией окраинные мелкие государства. Это военно-великодержавное течение не стесняется в выборе средств и не затрудняет себя поисками «идеологического» обоснования своей политики. Параллельно с этим имеется, без всякого сомнения, второе течение — то, которое пытается как-то связать эту грабительско-захватническую тактику с прошлым большевистской революции, с идеологией мирового коммунизма, т. е. с какими-то пролетарско-революционными перспективами. Мы в прошлой статье пытались уже анализировать, в чем могут выражаться эти перспективы советского правительства. Но в чем и как бы ни проявлялись субъективные устремления большевистских Маккиавели, для международной демократии и для мирового социализма важны не они, а те объективные, фактические результаты, которые их политика дает в Европе и во всем мире в настоящей ситуации.

А фактический эффект сталинской политики до сих пор сказан в следующем:

заклучением советско-германского договора «не-нападения», т. е. нападения на Польшу, Сталин развязал мировую войну;

вторжением в Польшу и грабительским разделом ее, в сообщничестве с Гитлером, Сталин санкционировал гитлеровскую агрессию и закрепил за Гитлером его завоевания;

поддержкой гитлеровской «мирной оффенсивы» Сталин пытался увековечить гитлеровскую гегемонию в Европе и содействовать заключению «разбойничьего мира», который, в случае его принятия демократическими державами (на чем настаивали компартии Франции и Англии), означал бы окончательную гибель демократии и победу фашизма в Европе и во всем мире;

политикой насильственной вассализации окраинных государств, под лицемерным предлогом охраны их государственной независимости Сталин уничтожает в Европе господство права и междуна-

родных законов, и вместе с Гитлером водворяет новое «кулачное право», господство неограниченного империализма;

походом против Финляндии, угрозой Швеции и другим демократическим малым государствам Сталин уничтожает свободное рабочее движение, вводит в Европе режим террора и порабощения пролетариата под предлогом его социального освобождения;

своим экономическим соглашением с Германией Сталин спасает гитлеризм от немедленного поражения и создает угрозу победы национал-социалистического варварства над зап.-европейской демократией;

своей политикой союза и сообщничества с кровавым гитлеризмом, который еще несколько недель тому назад мировой коммунизм объявлял основным врагом пролетариата и всей человеческой культуры, Сталин внес разложение, неслыханный раскол и дезорганизацию в ряды мирового пролетариата и нанес огромный удар делу социализма.

Что могут противопоставить этому уничтожающему подчету адвокаты сталинской тактики? Фантастические стратегическо-революционные планы, достойные автора «Сионских Мудрецов»? Или аграрную реформу в отсталых областях оккупированной Польши? Или 500 тысяч портретов «Великого Отца Народов», привезенные в новозавоеванные области, и которые в пути встретились, вероятно, с теплушками, увозившими в Северные Лагерь Особого Назначения польских социалистов, еврейских бундовцев, украинских демократов и других политических деятелей, захваченных доблестными гепеушниками в польских, украинских и еврейских городах, местечках и селах Польши?

Те крупницы социального прогресса, которые большевизм приносит в самые отсталые уголки Восточной Европы, бесследно ступшеваются по сравнению с тем регрессом, который тоталитарно-террористическая диктатура Сталина приносит в страны свободного рабочего движения и демократии.

И снова большевизм, как в своем зарождении так и теперь, для мира продолжает оставаться силой, которая, быть может, «стремится к добру, но неизменно порождает зло».

А. ЮГОВ.

СССР, как поставщик воюющей Германии

Вопрос о том — захочет ли СССР снабжать Германию потребными ей для ведения войны продуктами питания и сырьем — уже разрешен жизнью. Торговый договор от 19 августа, германо-советский пакт от 23 августа и, наконец, обмен письмами между Молотовым и Рибентропом от 28 сентября недвусмысленно свидетельствуют о твердом намерении Советской России снабжать Германию продуктами, необходимыми ей для осуществления ее агрессивных планов.

Из этих документов следует, что новые торговые отношения предполагается построить на следующих основаниях: СССР поставляет Германии продукты питания, нефть и промышленное сырье, Германия же импортирует

в СССР машины и готовые промышленные изделия; обе стороны стремятся довести в кратчайший срок взаимную торговлю до размеров периода наибольшего оживления торговых отношений, т. е. 1929-1931 годов.

Но сможет ли СССР удовлетворить потребности Германии? В каких размерах СССР сможет помочь товарами воинствующему германскому империализму, окруженному блокадой?

Мы в нашей статье рассмотрим лишь эту сторону вопроса — экспорт СССР в Германию, — потому что и политический и экономический смысл германо-советского торгового соглашения в той помощи, которую Советская Россия окажет Германии в условиях

войны и блокады, а не в том в Германии или в САСШ купит СССР нужные ему машины и изделия.

План Германии и СССР намечает очень широкую программу возростания торговых отношений. В годы максимума, т. е. в 1929-1931 гг. среднегодовой вывоз СССР в Германию равнялся 388,5 млн. марок, в последние 3 года (1936-1938) среднегодовой вывоз упал до 68,9 млн. марок, т. е. уменьшился в 5,6 раза. Для того, чтобы вывоз 1938 г., который был равен 47,4 млн. марок поднять до уровня года максимума — 437 млн. марок (1930 г.) его надо увеличить более чем в 9 раз. За первые 6 месяцев 1939 г. вывоз в Германию равнялся лишь 11 млн. марок.

Уже в силу своей грандиозности, эта задача трудно выполнима в краткий срок. Кроме того, она во всяком случае требует радикальной ломки, а иногда и ликвидации торговых отношений, сложившихся у СССР с другими странами.

**

Какие потребности Германии призван в первую очередь удовлетворить СССР? Германия прежде всего нуждается в продуктах питания, особенно остро — в зерновых продуктах, в масле, жирах и в жмыхах для скота.

Германия должна ввозить ежегодно около 12-15 млн. центнеров пшеницы, 4-5 млн. цент. овса, 18-20 млн. ц. майса, 2,5-3 млн. ц. риса. Германия до сих пор ввозила из САСШ, Канады, Австралии, Брит. Индии, Аргентины, Бирмы и Индокитая — 2/3 всего своего ввоза пшеницы, 1/2 — овса, 4/5 — майса и 4/5 риса. В настоящее время ввоз из этих стран станет из-за блокады невозможен или будет сведен к минимуму. Остальную часть своего ввоза этих товаров Германия покупала в Румынии, Венгрии, Югославии, Болгарии, Чехословакии и Италии. Ввоз из России этих продуктов был ничтожен.

Сможет ли СССР при новых отношениях с Германией удовлетворить ее потребность в этих зерновых продуктах? Ни майса, ни риса СССР дать Германии не сможет, так как внутренним производством не покрывает своей потребности.

Если СССР сохранит тот принцип, которым он руководствовался в последние годы: не вывозить продуктов необходимых индустрии и населению страны, то он не сможет полностью удовлетворить потребность Германии и в пшенице и в овсе. Германии необходимо ввезти 8-10 млн. ц. пшеницы (взамен ввоза заокеанских стран) и 2-2½ млн. ц. овса, в то время, как за последние 3 года весь среднегодовой вывоз СССР не превышал 6 млн. ц. пшеницы и 1,2 млн. ц. овса.

Для того, чтобы удовлетворить потребности Германии в зерновых продуктах, СССР пришлось бы не только прекратить поставку зерна всем другим странам, но в значительной мере уменьшить внутреннее потребление населения или изъять зерно из запасов государства, сделанных на случай войны.

При этом для полноты картины следует указать, что недостающие Германии зерновые продукты она может получить в потребном ей количестве от Румынии, Венгрии, Югославии, Болгарии и Италии, которые имеют значительные запасы зерновых товаров.

Масла Германия ввезла в 1937 г. — 87 тыс. тонн, а в 1938 г. — 92 тыс. тонн. Из этого количества Германия получила масла из скандинавских стран (Дания, Голландия, Швеция, Финляндия) — 63-65 тыс. тонн и из Латвии, Литвы, Эстонии и Венгрии — 17-20 тыс. тонн. СССР до сих пор в Германию масла не ввозил.

Весь вывоз СССР масла в 1937 г. равнялся 14,6 тыс. тонн, а в 1938 г. меньше 10 тыс. тонн. Эти данные показывают, что возможности СССР, даже при напряжении, в отношении экспорта масла очень ничтожны. Решающее значение будет иметь для Германии то обстоятельство, прекратится ли или нет снабжение Германии маслом из скандинавских стран.

Возможности вывоза растительных масел из Советской России также ничтожны, так как весь вывоз растительных масел из России равен 3% неудовлетворенной потребности Германии. Вывоз жмыхов из СССР в Германию может быть несколько увеличен, что для Германии остро необходимо, так же как в последние годы главная масса жмыхов в Германию поступала из Бразилии, Чили, Перу и Мексики. Если Россия прекратит свой экспорт жмыхов в Бельгию и Данию и направит его в Германию, она сможет покрыть около 1/3 потребности Германии.

Вывоз других продуктов питания — мяса, сала, птицы, яиц из СССР возможен только в случае резкого сжатия потребления страны, так как в последние годы эти продукты совершенно не вывозились из России, в виду необходимости удовлетворить нужды населения.

**

Но сущность проблемы в том — в каких пределах СССР сможет осуществить снабжение Германии основным промышленным сырьем. Нас особенно интересуют те виды сырья, в которых Германия остро нуждается и которые определяют ее военнотрагический потенциал. Известный американский экономист Брукс Эмени в своей работе «Стратегия сырья» (Нью-Йорк, 1934 г.) определил те 18 видов сырья, в которых Германия будет остро нуждаться в случае войны и блокады. Германский военный журнал «Дейтше Вер» в специальной статье перечисляет именно эти же виды сырья, указывая, что Германия в них будет нуждаться в первый же год войны.

Из этих видов стратегического сырья СССР сам испытывает острую нужду в меди (имеет 59% потребности), в свинце (57%), в никели (40%), в вольфраме (2%), в олове (20%), в каучуке (48%). Не может СССР в сколько нибудь значительных количествах уделить Германии и бокситов (96% потребности), ртути (94%), хлопка (95%), шерсти (80%). Свою потребность в железной руде СССР не покрывает своей добычей, и для производства качественных сталей должен ежегодно сам ввозить железную руду.

Как мы видим, подавляющему большинству стратегического сырья, необходимого Германии, СССР не может ей оказать помощи, так как сам испытывает острую нужду в железной руде, в цветных металлах, хлопке, шерсти и каучуке.

Из СССР Германия надеется получить необходимые ей фосфаты, марганцевую руду и нефтяные продукты. Добыча этих продуктов стоит в СССР на высоком уровне и из года в год возрастает. В 1938 г. Германия ввезла 1.088 тыс. тонн, в 1937 г. — 1.010 тыс. тонн фосфатов, главным образом из САСШ и французских владений. В настоящее время СССР единственная страна в Европе, из которой Германия может ввозить фосфат, чтобы покрыть недостающие ей 9% потребности. СССР, по размерам своего производства, может полностью покрыть потребность Германии.

Марганцевая руда, наряду с некоторыми редкими металлами, необходима для производства качественных сталей. Германия почти не имеет ни большинства

редких металлов, ни марганца. Из своей потребности в 500 тыс. тонн Германия ввозила до сих пор свыше 400 тыс. тонн из Южной Африки, Брит. Индии, Бразилии, Чили, Конго. Из СССР в последние годы она ввозила всего около 70 тыс. тонн ежегодно. Так как в доступных в военное время для Германии стран марганцевая руда добывается в ничтожных размерах, то все надежды получить марганец направлены на СССР. Советская Россия довела добычу до 1.300 тыс. тонн, но ее внутреннего потребления достигает 700 тыс. тонн, и весь вывоз до сих пор не превышает 600 тыс. тонн.

СССР может дать Германии потребные ей ежегодно 500-700 тыс. тонн марганца, но при условии или быстрого увеличения добычи или прекращения экспорта в страны ввоза последних лет: САСШ, Францию, Бельгию.

Еще более сложно стоит вопрос с увеличением вывоза в Германию нефти, бензина, нефтяных масел и других нефтяных продуктов. Военная потребность Германии в импорте этих продуктов исчисляется авторитетами различно: от 25 до 35 млн. тонн в год. Будем исходить даже из минимальной потребности в 25 млн. тонн в год, учитывая, что около 5 млн. тонн Германия покрывает внутренним производством и добычей в оккупированных районах. В последние годы Германия получала из СССР лишь 7-8% своей потребности, главную же массу нефтяных продуктов ввозила из САСШ, Голланд. Индии, Мексики, Венесуэлы, Румынии. В настоящее время ввоз из заокеанских стран нефти закрыт для Германии. Ввоз из Румынии в последние годы не превышал 0,5 млн. тонн в год, по только что заключенному германо-румынскому торговому соглашению он будет сохранен на этом же уровне.

Может ли СССР снабжать Германию нефтепродуктами в потребном ей количестве? СССР добывал в 1932 г. — 21 млн. тонн и вывозил свыше 6 млн. тонн, в 1938 г. СССР добывал 28,8 млн. тонн, а вывез лишь 1,1 млн. тонн нефтепродуктов. Из года в год, несмотря на увеличение производства и на острую нужду в валюте, СССР уменьшает вывоз нефти, так как расширение индустрии, тракторизация и механизация всего сельскохозяйственного производства и моторизация армии повелительно заставляют оставлять нефть внутри страны.

Потребность в жидком горючем настолько ощущается остро в СССР, что по плану 3-ей пятилетки решено принять энергичные меры (создание «Второго Баку» — между Волгой и Уралом) для увеличения добычи нефти до 54 млн. тонн в 1924 году, т. е. увеличить добычу на 77%. В отличие от других стран увеличение добычи нефти для СССР вопрос не только индустрии и обороны страны, все сельское хозяйство страны находится в прямой зависимости от того, будут ли снабжены тракторы и комбайны необходимым горючим. Одно сельское хозяйство потребляет ежегодно свыше 60% всей добычи нефти. В своем докладе «Третий пятилетний план» Молотов категорически заявил, что «без решительного и скорейшего под'ема нефтедобычи нельзя решить ни одной из крупных задач, поставленных планом». Между тем, два года третьей пятилетки уже заканчиваются, а добыча нефти, несмотря на огромное напряжение сил и средств, стоит — за первые 7 месяцев 1939 г. — на уровне 1937 года — 28-29 млн. тонн. Следует учесть, что участие СССР в войне подымает ее потребность в нефти в громадных размерах.

Конечно, из своего производства в 30 млн. тонн СССР может уделить некоторое количество Германии, но очевидно, что, если это количество будет сколько нибудь

большим, то это будет сделано за счет существеннейших интересов индустрии, сельского хозяйства и обороны. По сведениям иностранной печати первый заказ, который Германия передала СССР — поставка 4 млн. тонн нефти.

Пойдет ли на это СССР?

Мы должны указать, что существенное увеличение экспорта из России в Германию таких продуктов, как фосфаты, марганец и особенно нефть встретит, кроме всего, громадное препятствие в состоянии транспорта и в СССР и в Германии. Обычно нефть перевозится, главным образом, морским и речным путем, в специальных судах, что сейчас из-за условий блокады невозможно. Перевозка железнодорожным путем потребует многократных перегрузок и такого громадного количества специальных вагонов, что ни советские, ни немецкие жел. дороги не смогут этого выдержать в условиях военного времени без дезорганизации всего транспорта. Общеизвестно, что одно из самых слабых мест нацистской Германии — это состояние ее транспорта: за 8 лет количество работоспособных паровозов уменьшилось на 20%, а товарных вагонов на 12%. План Германии — транспортировать русскую нефть по Черному морю, а затем по Дунаю встретит препятствие со стороны Англии, Турции, Румынии и других нейтральных стран.

**

Таким образом, мы видим, что возможности СССР при осуществлении плана снабжения Германии во время войны очень ограничены, они сводятся главным образом к снабжению пшеницей, фосфатами, марганцем и нефтью. Но и эти возможности могут быть осуществлены только за счет существенного уменьшения внутреннего потребления населения и индустрии СССР и одновременного прекращения вывоза в страны, платящие СССР полноценною валютой.

Опыт показал, что потребление населения, особенно в странах тоталитарного хозяйства, очень легко подвергается сжатию. В СССР достаточно диктатуре принять решение, и население будет посажено на хлебный и масляный паек, а тракторы поставлены на консервацию. Технически это вполне осуществимо. Но в современных условиях СССР это означает дезорганизацию индустрии, паралич сельского хозяйства и многократное усиление недовольства населения, в массе, еще до сих пор питающегося хуже, чем самые низкооплаченные слои трудящихся Европы.

Как бы активны не были причины побудившие сталинскую диктатуру заключить «дружеский пакт» с Гитлером, но мы сомневаемся, чтобы СССР в условиях, когда его авантюристическая политика угрожает стране настоящей, серьезной войной, решился существенно увеличить свой экспорт в Германию и, ради маскарадной дружбы с нацизмом, поставить под реальную угрозу насущные нужды страны и самое существование режима.

Ближайшее будущее даст на это ясный, недвусмысленный ответ.

**ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ,
ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!**

В. АЛЕКСАНДРОВА.

„ Второе рождение “

При всей своей кажущейся внезапности германосоветское соглашение не только продукт полугодовой дипломатической интриги, но и результат длительного внутри-советского развития. Для определения перспектив этого соглашения и для намечения социалистической тактики необходимо прежде всего бесстрашный анализ тех внутренних причин, которые сделали Советский Союз союзником германского нацизма.

В германосоветском соглашении впервые во внешней политике. Сов. России выразителем внешне-политического «динамизма» Советского Союза на европейской исторической сцене стал не Коминтерн, а Наркоминдел. Втечение ряда лет официальная внешняя политика Советского Союза была маловыразительной и даже вялой. Эта внешняя политика словно хотела убедить правительства Запада, что большая страна, истощенная мировой войной, потом гражданской борьбой, затратившая столько усилий на признание себя «де-юре», вообще ретируется из Европы, желая посвятить себя укреплению своего нового экономического и социального порядка.

Правда, наряду с Наркоминделом существовал Коминтерн, выполнявший при Наркоминделе роль политкома. Но и политика «штаба мировой революции» с самого начала не была однозначной: поощряя и стимулируя рост революционных настроений в рабочем классе Запада, Коминтерн в то же время фактически неуклонно разрушал наиболее активные очаги революционного движения, не останавливаясь перед разгромом собственных коммунистических отрядов. Будущему историку Коминтерна нелегко будет разобраться в трагических противоречиях этой политики. Коминтерн уже давно перенял функции защитника национальных интересов русского государства, менее всего желавшего мировой революции. Приход Гитлера к власти нанес внешне-политическому динамизму Коминтерна сокрушительный удар. С этих пор Коминтерн начал хиреть, вступил в полосу затяжного кризиса и дезориентации. Приблизительно с этого времени начало возрастать значение Наркоминдела, взявшего на себя осуществление политики сближения с демократическими государствами.

Во внутреннем развитии Советского Союза период этот совпал с окончанием первой пятилетки и началом второй. Сейчас особенно важно восстановить в памяти ведущие идеи, составлявшие программу второй пятилетки. Центральное место среди них занимала мысль о построении «бесклассового общества» при сохранении и даже усилении в нем роли государства. В то время как за два-три года до этого альфой и омегой всей политики власти являлась «обостренная классовая борьба», для второй пятилетки, в виду будто бы осуществленного «бесклассового общества», классовая борьба была спешно изъята из социально-политического оборота. За всей этой политической схоластикой в действительности стояло усиление роли и значения советской бюрократии, выступившей горячей поборницей идеи государства, которая отнесила на задний план идею «диктатуры пролетариата». Именно тогда, после осознания экономических результатов первой пятилетки, советская беспартийная бюрократия впервые поставила вопрос о своем политическом уравнении с партийной бюрократией. Более близкая, чем партийная бюрократия, ко всем хозяйственным процессам, эта беспартийная бюрократия

верно поняла, что не только дальнейшее развитие, но даже и сохранение достигнутого невозможно при прежней внутри-политической установке на войну всех против всех. Идею «обостренной классовой борьбы», защищавшейся партийной бюрократией, она противопоставила лозунг уже осуществленного «бесклассового общества», за которым стояла политика советского буржфридена с ослабленными и распыленными, но реально существовавшими и глухо сопротивлявшимися рабочими и крестьянами. Беспартийная бюрократия успела склонить на свою сторону немалое количество видных представителей партийной бюрократии (фракцию Рыкова-Бухарина).

Но задача, которую поставила себе советская беспартийная, главным образом, хозяйственная бюрократия — на основе новой экономической базы в виде развившейся индустрии в городе и укрупненного сельского хозяйства в деревне «завершить революцию» — оказалась в рамках существующего режима невозможной. Идея буржфридена в обстановке хищнической эксплуатации трудящихся низов — в самих низах никакого сочувствия не встретила. Можно даже сказать, что за всю историю революции «ножницы» между властью и трудящимися не расходились так широко, как именно в период провозглашения начала «счастливой и зажиточной жизни». Истощенные жертвами, потребовавшими от них во время первой пятилетки, эти массы — поскольку можно судить по скупым, но все же время от времени проскальзывавшим в советской печати сведениям, — либо замыкались в своем разочаровании и отчуждении, либо заражались бунтарскими, анархическими настроениями (акты саботажа на заводах и в колхозах, убийства ударников, стахановцев и т. д.). Весь грандиозно задуманный план «буржфридена» разрешился купой сталинской конституцией, удовлетворившей только политические амбиции беспартийной бюрократии, уравнившей ее с партийной бюрократией и отменившей политические привилегии рабочего класса (уже давно существовавшие только на бумаге!).

«Соц. Вест.» в свое время не раз анализировал природу того верхнего слоя советского общества, который складывался в результате политики генеральной линии. Всегда подчеркивая опасности, которые таила в себе привилегированная верхушка, наш орган в то же время свои надежды на демократическое завершение русской революции строил на том, что этот привилегированный слой вышел из трудящихся низов, видя в социальном происхождении его главную гарантию от бонапартистского завершения революции. Опыт всех революций учит нас, как зыбка эта почва, ибо все «выдвиженцы революции» всегда приходили «из народа», что не мешало им превращаться в душителей народа!

Пристальное изучение жизни и настроений советского общества, сложившихся на исходе обеих пятилеток, не давало аргументов для политического оптимизма. За годы пятилеток к вершинам власти поднялся не только громадный слой людей из народа; среди поднявшихся немалый процент приходился на вторично поднявшихся, революцией сначала разжалованных, нуждами строительства вновь мобилизованных представителей прежних господствовавших классов и их детей. Их «второе рождение» было шумно отмечено всей художественной литературой. Конечно, это возвращение к жизни представителей прежних господ-

ствовавших классов всегда изображалось как следствие полного их отказа от своих прежних политических и социальных привилегий, как стопроцентного приятия ими советского режима. В действительности численно даже и не очень значительный слой прежних представителей господствовавших классов играет в реальной жизни, в быту гораздо большую роль, чем это хотелось бы официальным руководителям советской политики и людям «из народа». «Выдвиженцы революции» давно уже подражают им в их привычках, вкусах, навыках, начиная с одежды, мебелировки квартир и дач и кончая воскрешением охоты (охотничий спорт давно уже признан чуть ли не одной из благородных страстей человека!).

Но старшее поколение беспартийной технической интеллигенции — настоящие «либералы» и идеалисты по сравнению со своей сменой! Эта смена, выросшая в обстановке бесправия и произвола, с раннего детства угнетавшаяся за «буржуазное происхождение», — выросла цепкой, колючей и злой; хитростью и лицемерием работала она над возвращением ей доли того, «что революция силой отняла у отцов». Эта молодежь, в виде «советского молодого человека», которого так часто на предыдущем этапе разоблачала советская литература, в совершенстве владеет не только социальной мимикрией; угнетенный в детстве своим «социальным происхождением», советский молодой человек принес в свою взрослую жизнь свои идеалы, далеко расходящиеся с вчера еще официально признанными...

У беспартийной молодой бюрократии (она же «советская интеллигенция») имелось одно преимущество перед старыми и молодыми партийцами: душевная энергия лучших представителей партийной бюрократии тратилась на улаживание внутренних конфликтов, рождавшихся от столкновения революционных идеалов с советской действительностью. Беспартийный бюрократический молодняк не был обременен никакими сомнениями: Что вы? Все идет к лучшему в этом лучшем из миров! Беспартийной бюрократии уже в 1934-35 гг. удалось навязать свой оптимизм верхам советского общества: на смену сохранявшему еще какой-то революционный оттенок оптимизму «веселых ребят» большевизма пришел такой же обязательный бытовой оптимизм советской интеллигенции.

Покуда душевная энергия лучших элементов партийной бюрократии впустую расстрчивалась на гнилые компромиссы со своей совестью, ничем не занятая энергия беспартийной интеллигенции ошупью заработала в другом направлении: она стала исподволь ревизовать прошлое русского государства, началось паломничество в глубь истории «родной страны». Одновременно в Москве расстреливались вожди Октябрьской революции.

Читатель вправе спросить какая непосредственная связь существует между внешне столь различными явлениями, как увлечение историческим прошлым русского государства и расстрелами вождей Октябрьской революции? Связь эта заключается в том, что когда власть, вышедшая из революции, всем ходом развития вступает в конфликт с идеями революции и классами ее осуществившими, ей нужно дискредитировать старых вождей и одновременно создать новую тоталитарную идеологию, которая могла бы паразитировать воображение.

Русские трудящиеся массы не знают и не любят исторического прошлого российского государства, ибо для них российское прошлое воистину только «чуждое обло, огромно, стозевно и лайй». Советская интеллигенция эпохи нэпа, когда не были еще изжиты иллюзии относительно возможности «демократического завершения революции» и сами массы, хотя уже и побежденные, все же продолжали играть некоторую роль в определении путей развития, предприняла интересную ревизию исторического прошлого страны, увенчавшуюся рядом работ о жизни и настроениях городских низов русского средневековья; советская наука и искусство пытались тогда подвести прочный исторический базис под демократическую революцию. Ожесточенными противниками этой демократической ревизии исторического прошлого выступали тогда официальные «леваки», сыгравшие решительную роль в первые годы генеральной линии...

Паломничество в глубь исторического прошлого, предпринятое после осуществления первой пятилетки, было уже совсем иного порядка. В дальней исторический путь выехали на этот раз квартирмейстеры русского империализма, смиренно, но неуклонно возрождавшегося под сенью экономических успехов и революционной фразеологии пятилетки. Вот почему Демьян Бедный и получил такой увесистый подзатыльник, когда позволил себе недостаточно почтительно выразиться о русских богатырях! Результатом этого вторичного путешествия в русскую историю было открытие мощей Александра Невского и всех «для своего времени прогрессивных» вершителей русской истории. Потребность иметь «приличную» родословную и славное историческое прошлое — одна из самых древних и самых характерных черт всякого господствующего класса. В свое время русская буржуазия на излете 18-го века ухлопала немало энергии и средств на создание своей генеалогии. Но как робки были ее шаги по сравнению с новейшими изысканиями! В своей борьбе против самодержавия русская буржуазия сплошь и рядом непочтительно отзывалась о многих предтечах российского империализма. Сталинские историки исправят эти грубые ошибки, русская великодержавность имеет в них надежных защитников.

Германо-советское соглашение ярко осветило кропотливую работу по переориентации, которая происходила во всех областях жизни и идеологии советского общества. Это соглашение означает не только начало нового периода, но и завершение длительного внутри-советского развития. Некоторое время господствующий слой этого общества стоял на распутье и даже искал союза с демократическим капитализмом Запада. Но союз с ним по ряду экономических и политических причин показался господствующему слою недостаточно гарантирующим его от превратностей судьбы. Слабый, лишенный традиции, но молодой и динамический империализм Германии гораздо ближе новому привилегированному слою и союз с ним гарантирует этому слою социальное закрепление и его дальнейшее господство над страной. Пятилетка создала экономический базис для русского империализма, соглашение с Гитлером — первые внешнеполитические шаги возрожденного империализма в пространствах мировой истории. Только коренные перевороты и в Германии, и в Советском Союзе освободят массы от стальных объятий их страшных опекунов.

С оккупационной армией в Польше

(У СОВЕТСКОГО РАДИО).

На заре 17-го сентября советские войска вступили в Польшу. Днем Молотов произнес по радио речь, в которой он пытался формулировать цели, во имя которых советское правительство приказало войскам перейти границу. «Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим **братьям-украинцам и братьям-белоруссам**», оно не может относиться безразлично к судьбе **единокровных украинцев и белоруссов**, проживающих в Польше и раньше находившихся на положении **бесправных наций**, а теперь и вовсе брошенных на волю случая». Коротко: советское правительство решило взять под свою защиту **«жизнь и имущество населения Западной Украины и ападной Белоруссии»**.

«Единокровные» украинцы и белоруссы, «братья» по крови! О «братьях по классу» ни слова. **Национальное освобождение?** Да, хотя — и это характерно — Молотов избегает даже и этого, все еще тающего в себе революционное зерно, термина. Но о **социальном освобождении** ни звука...

Но как ни старались в Кремле избегнуть всего, от чего еще веет дыханием великой революции, — самый факт вступления советских войск в пределы восточной Польши с ее давно пережившими себя полу-феодальными аграрными отношениями должен был вызвать бурное аграрное движение: при приближении советских войск крестьяне начинали захватывать помещичьи земли и создавать крестьянские комитеты. Но руководство армии старается систематически затушевывать народный характер движения, энергично пропагандируя мысль, что это советская армия, советское правительство и великий, мудрый и любимый отец народов «принесли свободу и «дали» крестьянам землю. Словом, крестьянам всячески пытаются вдолбить мысль об «октроированном» освобождении, и в так называемой Западной Белоруссии эта бонапартистская пропаганда, кажется, пользуется значительным успехом. В Западной Украине это, повидимому, оказывается труднее.

Еще характернее политика оккупационной армии в городах. Стоит сейчас напомнить, как организовывалась местная власть в первые годы революции, когда красная армия вступала в город, не подчиненный до того власти советского правительства. В городе немедленно создавался «революционный комитет» («ревком»), созывались массовые рабочие собрания, организовывался совет рабочих депутатов и т. д. Было при этом часто и немало жестокостей, нередко ненужных и диких жестокостей (достаточно вспомнить бесчинства чеки). Но никакое чекистское варварство не могло заглушить голоса огромной народной освободительной революции.

Как все выглядит сейчас иначе при продвижении советских войск в Западной Украине и Западной Белоруссии! Советское радио изо дня в день передает множество сообщений из оккупированных советскими войсками областей. Но о ревкомах, о советах рабочих депутатов и т. п. ни слова. Нигде почти нет в городах и массовых, тем более рабочих собраний. Управление города поручается всюду «временному управлению», сформированному военными властями. Ни разу не пришлось слышать об участии в формировании «временного управления» хотя бы местной компартии. Что уж говорить о профсоюзах или других рабочих или народных организациях! Да и в работе своей «временные управления» нигде даже и не пытаются в какой-то мере опереться на рабочие или какие-либо иные местные массовые организации, и только в Западной Украине кое-где, кажется, делаются попытки привлечения к работе «временных управлений» украинских национально-культурных организаций.

5-го октября был созван первый «массовый митинг» в Львове, 7-го октября в Вильне. Оба митинга передавались по радио. Последний особенно характерен.

Виленский митинг был открыт речью представителя «временного управления», т. е. армии, и проводился на **русском языке**, на котором громадное большинство населения не говорит и которого оно даже почти не понимает. Только на русском языке были оглашены «принятые» резолюции и привет Сталину. Правда, из 8 выступавших на митинге ораторов один говорил по-белорусски; двое говорило по-польски, причем ни один из них не решился хотя бы упомянуть слова «Польша» или «польский народ», а уж тем более затронуть вопрос о судьбе поляков в занятых советскими войсками областях. Но ни слова не было произнесено по-еврейски, хотя Вильна была когда-то колыбелью еврейского рабочего движения, да и сейчас насчитывает большое число еврейских рабочих, из которых большинство никакого другого, а тем более русского языка не знает. Ни слова не было произнесено и по-литовски.

Из говоривших на митинге ораторов один — первый после вступительной речи председателя — говорил от имени виленского гарнизона; четверо других выступали в качестве представителей (?) молодежи, трудовой интеллигенции (не каких-либо организаций молодежи и трудовой интеллигенции, а, повидимому, то ли в роли самозванцев, то ли в качестве назначенцев), «рабочей гвардии» и рабочих-пожарных (!). Никто не говорил от имени профсоюзов, хотя профсоюзы издавна играют значительную роль в виленской общественной жизни. Никто не говорил и от имени компартии или комсомола. Все собрание производило скорее впечатление — в основном — собрания виленского гарнизона (т. е. оккупационной армии), несколько закамуфлированного под народное собрание.

В собрании было постановлено, — конечно, единогласно — поддержать инициативу «временного управления» г. Белостока о созыве в ближайшем времени «Народного Собрания трудящихся Западной Белоруссии» (по смыслу белостокского предложения это должно быть Учредительное Собрание Западной Белоруссии, но никто, конечно, не произнес этого опасного термина) и поддержать в Народном Собрании мысль о присоединении Западной Белоруссии к Белорусской ССР. В том, что Вильна с Виленским районом должна рассматриваться, как часть Западной Белоруссии, никто не посмел даже усомниться.

В полдень 10-го октября советское радио опять передавало подробное сообщение (ТАСС) из Вильны. Оказывается, до последних дней по ночам из чердачных помещений (?) стреляли ночью по советским войскам. Но советская армия и «рабочая гвардия» производят энергичную «чистку» города от «офицеров» и «жандармов». В бывш. польском военном госпитале обнаружено 220 мнимых больных, лежавших с перевязанными руками, ногами и головами, но оказавшихся «совершенно здоровыми» польскими «офицерами», ждвшими случая вырваться под покровом ночи и в штатском платье из «освобожденного» города. В виленском округе бродят «бандитские шайки» (так сейчас на советском языке именуются польские партизанские отряды), конечно, сплошь из «офицеров», но советские войска их успешно «ликвидируют». И т. д., и т. д.

Все это, конечно, делается во имя освобождения «братьев-белоруссов». Но судьба сыграла с этими «освободителями» злую шутку. В полдень 10-го октября советский спикер разливал соловьем об освобождении **западно-белорусского** Виленского края, а в ночь с 10-го на 11-ое октября Виленский край оказался **литовским** и был передан Литве. Так «освободители» мановением волшебной палочки «национально самоопределяют» «освобождаемые» ими народы.

Странник.

У счастливого недруги мрут ...

Сталину «повезло»: сошел преждевременно в могилу еще один из ленинской революционной гвардии. 12 сентября, в возрасте 47 лет, скончался в Ницце от воспаления мозга Ф. Ф. Раскольников, начавший свою большевистскую работу в революции 1917 года организатором кроштадтских матросов и закончивший ее полпредом в Болгарии. Деятельный участник гражданской войны, Ф. Раскольников с 1921 года, с небольшими перерывами, работал в советской дипломатии, отдавая в то-же время немало труда и литературной работе. В апреле 1938 года он был вызван в Москву и уволен с поста полпреда в Болгарии в условиях, совершенно недвусмысленно говоривших о том, что ждет его на родине. Раскольников вынужден был стать невозвращенцем, был объявлен «врагом народа», лишен советского гражданства и т. д.

17 августа, за несколько недель до смерти, Раскольников написал «Открытое письмо Сталину». Письмо это было доставлено нам с большим запозданием — не только по времени, но, если можно так выразиться, и по своему содержанию. Эпиграфом к письму Раскольников поставил: «Я правду о тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи». Но за короткое время, прошедшее с написания этого письма, Сталин своим договором с Гитлером, своим нападением на Польшу, своим хищничеством в Прибалтике и т. д. сам рассказал о себе такую «правду», перед которой бледнеет все, что могли бы порассказать о нем самые ожесточенные противники и враги его.

Поэтому из посмертного письма Ф. Раскольникова, уже опубликованного некоторыми органами эмигрантской печати, мы сделаем лишь некоторые небольшие выдержки. Прежде всего — выдержки фактического характера.

Так со многих точек зрения представляет большой интерес следующее указание Раскольникова о деятельности ГПУ: «Подсовывая агентам Ежова фальшивые документы, компрометирующие честных работников миссии, «внутренняя линия» РОВС'а, в лице капитана Фосса, добилась разгрома нашего полномочного представительства в Болгарии, от шоффера М. И. Казакова до военного атташе, полковника В. Т. Сухорукова».

Далее, о «культурной» работе сталинской диктатуры: «Вслед за Гитлером Вы (Сталин) воскресили средневековое сжигание книг. Я видел своими глазами рассылаемые советским библиотекам огромные списки книг, подлежащих немедленному и безусловному уничтожению. Когда я был полпредом в Болгарии, то в 1937 году в полученном мною списке обреченной огню запретной литературы я нашел мою книгу исторических воспоминаний «Кронштадт и Питер в 1917 году». Против фамилий многих советских писателей,

публицистов и критиков значилось: «уничтожить все книги, брошюры и портреты».

Раскольников ошибся лишь в одном: «изъятие» и сожжение книг началось задолго до Гитлера. Сталин не подражал Гитлеру, а был его учителем. Но эта ошибка характерна вообще для старой большевистской гвардии, для которой история «кровавых расправ» начинается с того лишь момента, когда она сама стала объектом их: «Вы начали кровавые расправы с бывших троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев...», пишет Ф. Раскольников. Начали!..

Закончим цитатой, бросающей свет на душевное состояние вынужденных «невозвращенцев» большевизма и объясняющей много в психологии и образе действий не одного Раскольникова:

«Как все советские патриоты, я работал, на многое закрывая глаза. Я слышком долго молчал. Мне было трудно рвать последние связи не с Вами и не с Вашим обреченным режимом, а с остатками старой Ленинской партии, в которой я пробыл без малого тридцать лет, а Вы разгромили ее в три года. Мне было мучительно больно лишаться моей родины...»

Д.

С. ШВАРЦ.

Европейский коммунизм после 25-го августа

Заключение советско-германского торгового договора («торгово-кредитного соглашения») 19-го августа, в момент, когда переговоры Советского Союза с Англией и Францией об организации отпора угрожающей гитлеровской агрессии, казалось, вот-вот будут доведены до успешного конца, несколько ошеломило европейское общественное мнение и вызвало явную растерянность в рядах европейского коммунизма. «Юманитэ» от 21-го августа поместила лишь телеграмму из Москвы, кратко сообщившую о заключении договора, но от себя не проронила о новом договоре ни слова. На следующий день «Юманитэ» опубликовала переданную по телеграфу передовицу «Правды» от 21-го августа, посвященную договору и подчеркивавшую, что «новое торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией, родившись в атмосфере напряженных политических отношений, призвано разрядить эту атмосферу» и «может явиться серьезным шагом к дальнейшему улучшению не только экономических, но и политических отношений между СССР и Германией». Но в том же номере французского центрального коммунистического органа редакция и сама посвятила передовицу (Марселя Життона) советско-германскому договору и статья эта существенно отличается от передовицы «Правды». Вопрос о влиянии нового договора на развитие политических отношений между Германией и СССР Життон тщательно обходит и пытается представить советско-германский договор, как вынужденную уступку Гитлера, отступившего перед твердостью Советского Союза, и как удар по авторитету Гитлера внутри Германии, на что в «Правде» нет даже и намека.

Но советско-германский торговый договор*) очень быстро отступил на задний план перед событиями гораздо большей важности. 23-го августа Риббентроп прибыл в Москву для заключения договора о ненападении, и в ночь с 23-го на 24-ое августа договор этот был подписан. Для всей внешней политики Советского Союза это в полном смысле слова исторический поворот**).

*) Заслуживает внимания, что советско-германский торговый договор до сих пор не опубликован и о содержании его в печати появились лишь очень расплывчатые сведения. Договор этот и не ратифицирован, да и не будет ратифицирован, так как закон о ратификации и денонсации международных договоров СССР, принятый Верховным Советом СССР 20-го августа 1938 г., установил обязательность ратификации лишь для «мирных договоров, договоров о взаимной обороне от агрессии, договоров о взаимной ненападении», а также «договоров, при заключении которых стороны условились о последующей ратификации». Ограничение это очень благоприятствует развитию тайной дипломатии.

**) Кстати, о поездке Риббентропа и о предстоящем 23-го августа прибытии его в Москву германское радио сообщило еще 21-го августа вечером и сообщение это появилось в утренних выпусках европейских газет 22-го августа. И только советские читатели еще оставались до известной степени в неведении о происходящем: 22-го августа ТАСС стыдливо сообщило, что «на днях» (1) предстоит приезд в Мо-

ску коммунистические партии всюду немедленно выразили свою полную солидарность с новой политикой Сталина. Но защита этой политики оказалась нелегкой. Мысль о капитуляции Гитлера перед Сталиным энергично разрабатывалась в течение последней недели августа всей европейской коммунистической печатью. «Гитлер вынужден стучаться в двери Советского Союза» (передовая «Юманитэ» от 23-го августа). «Советский Союз вынудил Гитлера заключить пакт о ненападении» (Життон, там-же) и «капитулировать» перед СССР (Арагон, там-же). И т. д., и т. д. без конца в воззваниях и статьях французских, английских, немецких, бельгийских и др. коммунистов. Но все же это был лишь подсобный аргумент. Основным аргументом в защиту новой сталинской политики оказался аргумент об укреплении мира. Германско-советский пакт о ненападении «будет иметь своим единственным (!) последствием консолидацию мира», торжественно возвестил манифест французской компартии от 24-го августа: «Все знают, что пакт этот не лишает ни один народ ни его свободы, ни пяди его земли». «Пакт о ненападении, подписанный только что в Москве, это прямой удар по агрессии». Эта формула повторяется вновь и вновь в воззваниях английской, германской, швейцарской, скандинавских и др. компартий.

Словом, германско-советский пакт — орудие мира и отнюдь не должен вызывать в рядах противников гитлеризма тревоги. Заключенные до сих пор Советским Союзом многочисленные пакты о ненападении содержали обычно оговорку о недействительности пакта в случае нападения одной из договаривающихся сторон на третье государство. Само собой понятно, что такая оговорка имеется и в советско-германском пакте, и пакт этот, стесняя Германию в ее агрессивных планах, в то же время не связывает Советский Союз в случае нападения Германии на Польшу. Так с большой решительностью писал 23-го августа Арагон в коммунистической вечерней парижской газете «Се-Суар», и тот же аргумент повторила на следующий день и «Юманитэ». В этот день Арагон пошел в «Се-Суар» еще дальше: «Между Францией и Советским Союзом существует договор о взаимной помощи. И если Франция в силу связывающих ее договоров придет на

ску Риббентропа для переговоров о заключении пакта о ненападении (В немецкой телеграмме сообщалось, что оба правительства уже «решили» заключить пакт о ненападении), в сообщении ТАСС лишь, что обмен мнений между обоими правительствами выяснил «наличие желания» обеих сторон разрядить напряженность в политических отношениях между ними, устранить угрозу войны и заключить пакт о ненападении». 23-го августа, в день приезда Риббентропа в Москву, в советской печати не появилось об этом как-никак немаловажном событии ни слова. И только 24-го августа, одновременно с сообщением о подписании советско-германского пакта о ненападении, советские газеты опубликовали сообщение ТАСС о прибытии в Москву германского министра иностранных дел с большой свитой. Как все это — с точки зрения концепции «Юманитэ» — странно: Гитлер всячески афиширует свою капитуляцию пред СССР, а Кремль великодушно старается возможно меньше о ней говорить!

помощь государству, ставшему жертвой агрессии, например, Польше, СССР придет на помощь Франции... Германско-советский пакт это пакт о ненападении, а не о премиривании агрессора. Пакт этот отнюдь не предполагает, что Польша будет покинута, если она станет жертвой агрессии». — А парламентская фракция бельгийской компартии в своей декларации от 28-го августа деловито указала даже до того, что германско-советский пакт улучшил положение Польши, «разрушив планы нового Мюнхена, подготовлявшегося за счет Польши».

Но если германско-советский договор не связывает СССР в случае нападения Германии на Польшу, как может он противоречить англо-франко-советскому пакту, задача которого сводилась бы к отпору агрессии, а отнюдь не к подготовке нападения на Германию? И коммунистические партии Франции и Англии, подчеркивая миротворческое значение германско-советского пакта, с особенной настойчивостью выдвинули требование о немедленном подписании англо-франко-советского пакта: «Г-н Даладь, аэроплан отлетает в Москву каждое утро в 8 часов», писала не без задора «Юманите» 23-го августа. И одновременно то же требование было выдвинуто и в декларации английской компартии: «Пусть Чемберлен и Даладь полетят в Москву для непосредственных переговоров с советским правительством».

Вся эта постройка с опубликованием германско-советского договора рухнула как карточный домик: в отличие от заключенных ранее Советским Союзом договоров о ненападении в советско-германском пакте не оказалось спасительной оговорки об утрате пактом силы в случае нападения одного из договаривающихся государств на третье государство. Больше того: ст. 2-ая договора недвусмысленно заявляет, что «если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны какой-либо державы, — объектом военных действий, а не объектом нападения», как говорилось до сих пор в пактах о ненападении, — «другая договаривающаяся сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу». Это значит, что если Германия станет объектом военных действий со стороны государства, подвергшегося нападению со стороны самой Германии, СССР «не будет поддерживать ни в какой форме» жертву германской агрессии. Можно ли было после этого сколько-нибудь серьезно отстаивать мысль о недействительности германско-советского пакта в случае нападения Германии на Польшу? А между тем текст германско-советского пакта был опубликован в «Се-Суар» в тот же день и на той же странице, что и цитированная выше статья Арагона, в которой так неосторожно брошена мысль о «пакте о премиривании агрессора».

Прошло несколько дней, и аргумент о недействительности германско-советского пакта в случае нападения Германии на Польшу молчаливо был оставлен, как исчезло и требование о скорейшем заключении англо-франко-советского пакта. Но верность коммунистов германско-советскому пакту осталась неизменной. Теперь — на время — основным аргументом в защиту пакта стал аргумент, будто пакт нанес Гитлеру тяжелый удар и ослабил его и политически (разрушена «ось», т. е. созданная Гитлером система союзов), и идеологически (глубоко скомпрометирован гитлеровский «антибольшевизм» и «антикоммунистический пакт»). Так в манифесте французской компартии от 24-го августа мы читаем: «Смятение, царящее в рядах союзников гитлеровского фашизма, является достаточным доказательством того, что Советский Союз (подписав германско-советский пакт) оказал незабываемую услугу делу мира и безопасности находящихся под угрозой (германской агрессии) народов и прежде всего Франции». В манифесте итальянской компартии от 24-го августа: Германско-советский пакт «разоблачает и разрушает лживую демагогию антикоммунистическую», «наносит тяжелый удар по „оси“ Берлин-Рим» и несет таким образом гигантскую помощь народам, не желающим войны и борющимся против фашизма». В коммюнике коммунистической фракции французской палаты от 28-го августа мысль, что германско-советский пакт, оторвав от Германии Японию и Испанию и вызвав некоторое охлаждение между Германией и Италией, «разрушил планы фашистских диктаторов, хотевших утопить весь мир в крови», — становится даже уже единственным аргументом в защиту пакта. И те же мысли проходят красной нитью через всю коммунистическую публицистику конца августа и начала сентября (см. датскую коммунистическую газету «Арбэйтэр-Бладэт» и шведскую «Ний Даг» от 23-го, швейцарскую «Фрайхайт» от 25-го, голландскую «Хэт Фолксдагбладет», английскую «Дэйли Уоркер» от 27-го августа и т. д.).

Не приходится спорить: заключение советско-германского пакта действительно ослабило связь гитлеровской Германии с ее друзьями по «оси» и скомпрометировало гитлеровский «антикоммунизм». Для Гитлера это конечно, потери. Но пакт принес Гитлеру не только потери, но и приобретения, которые далеко перевесили для него его потери. Правда, в коммунистической защите советско-германского пакта проскальзывают иногда таинственные намеки, что Гитлер в своих

расчетах ошибется, и что Сталин, идя на соглашение с Гитлером, совершил гениальный маневр, который приведет в конце концов к гибели Гитлера и гитлеризма. Об этом «маневре» еще, может быть, будет случай поговорить особо. Одно во всяком случае не может вызывать никаких сомнений: Гитлер сам оценивал общий итог своих потерь — отнюдь для него не неожиданный — и приобретений от пакта положительно; без советско-германского пакта «о ненападении», обеспечившего Германии сотрудничество Советского Союза, Гитлер — теперь это уже не вызывает сомнений — не мог бы решиться на войну и напасть на Польшу. Советско-германский пакт сыграл поэтому роль не орудия мира, а орудия войны.

Пытаясь на все лады оправдать заключение германско-советского пакта, европейские коммунисты в то же время продолжали твердить о своей непримиримой враждебности гитлеровскому фашизму. «Коммунистическая партия, верная учению Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, больше, чем когда либо, остается непримиримым врагом международного фашизма и в первую очередь фашизма гитлеровского, главного и самого кровавого разжигателя войны, самого опасного врага демократии», читаем мы в цитированном уже выше манифесте французской компартии. Заявлениями такого рода буквально пестрит европейская коммунистическая печать до второй половины сентября. Коммунистическая фракция бельгийского парламента пошла даже дальше и в своей декларации от 28-го августа подняла знамя «борьбы за политику энергичного сопротивления фашистским агрессорам, за политику тесной солидарности с миролюбивыми державами», отвергнув таким образом идею бельгийского «нейтралитета». Во всех демократических странах Европы коммунисты постановили энергично поддерживать все мероприятия правительства, направленные к усилению обороноспособности страны. Напротив, германская и итальянская компартии со всей решительностью высказались для своих стран за политику революционного пораженчества (итальянцы, конечно, лишь на случай вступления Италии в войну на стороне Гитлера).

Во всей этой аргументации очень рано, однако, начали прорываться мысли совсем иного порядка. Германская компартия уже в своем манифесте от 25-го августа, т. е. непосредственно после заключения германско-советского пакта, острожно опробовалась перенести вопрос о значении пакта, как орудия мира, в другую плоскость: манифест приветствует пакт, «так как он, в отличие от союза Гитлера с Муссолини и японским милитаризмом, являющегося орудием войны и империалистического насилия над другими народами, является пактом о сохранении мира между Германией и Советским Союзом». Эта попытка противопоставления германско-советского пакта союзу Гитлера с Муссолини и японским милитаризмом свидетельствует, правда, о глубокой растерянности авторов манифеста: ведь и союз Гитлера с Италией и Японией являлся «пактом о сохранении мира между этими государствами и лишь по отношению к другим народам» был «орудием войны и империалистического насилия». Увы, события последних недель с полной очевидностью показали, что и германско-советский пакт в полной мере отвечает этой характеристике.

После нападения Германии на Польшу и последовавшего за ним вступления в войну Англии и Франции аргумент о германско-советском пакте, как орудии мира для СССР начинает все чаще звучать в коммунистической публицистике. Манифест ЦК швейцарской компартии от 8-го сентября пытается поднять этот аргумент на принципиальную высоту: заключением германско-советского пакта советское правительство «оберегло от войны единственную страну, в которой расцветает социализм»; советское правительство «защищает таким образом единственную твердую международную рабочую массу и действует таким образом в интересах не только народов Советского Союза, но и трудящихся и эксплуатируемых всего мира».

Убедительность этой аргументации, правда, очень страдала от того, что «единственная твердая международная рабочая масса» оказалась в тесной кооперации с «самым кровавым разжигателем войны» и самым опасным врагом рабочего класса, каким, по коммунистической концепции все еще оставался — пока! — Гитлер.

Аргумент о локализованном мире (антипод недавнего тезиса о «неделимости мира») очень быстро завоевал в коммунистическом общественном мнении очень широкую популярность, причем примененные этого аргумента далеко вышли за первоначальные рамки («защита страны социализма»), и аргумент этот приобрел почти всеобщее значение. Давно ли коммунисты выступали самыми горячими поборниками широкого «фронта мира» для борьбы с гитлеризмом? Давно ли даже в небольших странах, которым общая обстановка в известной мере навязывает политику «нейтралитета», они энергично «разоблачали» эту политику? Сейчас идея локализации мира буквально в несколько дней победила в коммунисти-

ческих рядах всюду: голландские, швейцарские, шведские, бельгийские коммунисты начали вдруг выступать, как горячие и принципиальные защитники идеи «нейтралитета». В бельгийской коммунистической газете «Вуа дю Пэпль» от 15-го сентября можно было прочитать следующие несколько неожиданные строки: «Бельгийские коммунисты должны руководиться подлинными интересами народа. Интерес народов Фландрии и Валлонии состоит в том, чтобы уберечь нашу страну от ужасов войны... Мы должны сделать все, чтобы не позволить империалистам распространить войну на другие страны». — Почва для **общего принципиального поворота** подготовлялась быстро.

В эти недели, особенно во Франции, единственной стране с массовой коммунистической партией, остро сказались глубокое внутреннее противоречие между солидарностью с прогитлеровской политикой Сталина, с одной стороны, и крайним антигитлеризмом, с другой, объединяющим или, вернее, еще вчера объединявшим массы коммунистических рабочих и ставшим традицией компартии. Это противоречие неизбежно привело бы очень скоро к **внутреннему кризису компартии**, признаки которого уже замечались и который не мог бы не завершиться освобождением громадного большинства шедших за коммунистами рабочих (а тем более интеллигенции) от гипноза сталинского «социализма», внутренним оздоровлением и консолидацией французского рабочего движения*). Но состоявшееся в конце августа запрещение коммунистической печати и последовавший за ним в конце сентября роспуск компартии затормозили это развитие и чрезвычайно затруднили процесс изживания коммунистическими массами иллюзий сталинофильства. И это очень скоро сказалося.

Между тем в руководящих коммунистических кругах всюду началась общая и чрезвычайно решительная **принципиальная переориентировка**. Решающим в этом отношении моментом явилось **нападение Советского Союза на Польшу**. В ба-

*) В английской компартии кризис уже в полном разгаре и — по сообщению «Дэйли Геральд» — нашел свое выражение в исключении из партии генерального секретаря ее и признанного вождя Гарри Поллита.

зельском коммунистическом еженедельнике «Рундшау» от 21-го сентября мы находим ряд статей и заметок из разных стран — Франции, Бельгии, Англии, Голландии, Норвегии —, в которых находит свое яркое выражение занятая коммунистами в европейском кризисе позиция. Все эти статьи и заметки пропитаны чувством глубокой вражды к гитлеризму — и все они написаны **до 17-го сентября**. Но в том же номере помещена речь Молотова от 17-го сентября и ряд статей и заметок, присланных (по телеграфу) из Москвы и посвященных «победоносному» продвижению советской армии в Польшу и ее «освободительной» миссии. Во всех этих статьях, речах и заметках — а они занимают почти половину довольно-таки объемистого еженедельника — о «фашизме» упоминается лишь два раза, но оба раза о фашизме — **польского** правительства.

Процесс переориентировки в руководящих кругах европейских коммунистических партий начал с этого момента развиваться с головокружительной быстротой. И когда 28-го сентября было подписано новое соглашение между Гитлером и Сталиным, договорившимися о совместной «**борьбе за мир**», вчерашние непримиримые «анти-мюнхенцы» стали восторженными поборниками **нового «Мюнхена**». 2-го октября «рабоче-крестьянская группа» французской палаты, образовавшаяся — в составе большинства коммунистических депутатов — после роспуска компартии, подала председателю палаты заявление, в котором со всей решительностью выступила за принятие ожидаемого предложения Гитлера-Сталина о мирных переговорах, т. е. о переговорах на основе признания победы Гитлера и уничтожения Польши. Советская печать и советское радио, с одной стороны, европейские коммунистические партии, с другой, выступают горячими защитниками «мира» с Гитлером, и в агитации этой все отчетливее начинает звучать «анти-империалистическая» нота, причем, конечно, «империалистами» оказываются враги Гитлера. А в рабочих низах Франции, еще не изживших коммунистических иллюзий и дезориентированных запрещением компартии, поворот этот сказывается полной растерянностью и усилением стихийных пацифистских настроений. К этим вопросам мы еще попытаемся вернуться.

Партийная трибуна

О. ДОМАНЕВСКАЯ.

ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЙ ПАКТ

Германо-советский пакт стоит сейчас в центре внимания всего международного пролетариата, как наиболее острая и волнующая проблема современности. Узкие рамки данной статьи не позволяют мне трактовать эту тему со всей необходимой полнотой, но я все же хочу хотя бы вкратце коснуться некоторых важнейших сторон этой проблемы.

Германо-советский пакт казался нам до его заключения невозможным и представляется сейчас противоестественным, поскольку он совершенно идет в разрез с той линией внешней политики, которую Советская Россия ранее проводила и которая диктовалась ей ее насущными интересами.

«Антикоминтерновская ось» базировалась не только на реальных империалистических притязаниях Германии и Японии в отношении к СССР, но и на сознании непримиримого противоречия двух социальных систем. Немецкий национал-социализм возглавил крестовый поход против Советской России, как представитель отживающего капитализма, стремящийся уничтожить грядущий ему на смену новый общественный строй. Захватывая в тиски Берлин-Токио, Советская Россия находилась под угрозой военного нападения с запада и востока, и колоссальные затраты на вооружение лишали страну возможности сколько-нибудь нормального развития. Преодоление нацизма являлось жизненной необходимостью для Советской России, и логика положения повелительно побуждала ее к тому, чтобы держать курс на соглашение с Англией и Францией против Германии. Этот курс, действительно, проводился СССР за последние годы.

Встает вопрос, каким образом мог произойти в подобных условиях этот неожиданный поворот на 180 градусов, выразившийся в германо-советском пакте? Мне кажется ошибочным искать причин в тенденциях развития самого советского строя, поскольку во внутренней политике СССР последнего времени не выявилось никаких новых факторов, которые бы свидетельствовали о коренном изменении социальной

ориентации страны. Мне представляется более правильным искать объяснений в области международных отношений, и именно в осложнениях, порожденных «Мюнхеном». Именно «Мюнхен», который Советская Россия восприняла, как желанное переключить агрессивность Гитлера с запада на восток, к жителям Советской России, поставил перед СССР со всей остротой вопрос о степени солидности той поддержки, на которую он может рассчитывать в случае военных столкновений с Германией. Отказ союзников от удовлетворения выдвигаемых СССР во время англо-франко-русских переговоров военно-стратегических требований, советское правительство истолковало, как подтверждение своих сомнений о возможной изоляции Советской России, если война разразится. Очевидно, из этого источника родился план новой внешней политики, приведший к германо-советскому пакту.

Тот факт, что Советская Россия заключает «союз дружбы» с гитлеровской Германией, которая является смертельным врагом пролетарского движения и социализма, переговоры с которой других стран она клеймила, как предательство, не может не вызвать у нас самого решительного протеста и возмущения. Но на этом остановиться нельзя. Необходимо отдать себе ясный отчет в том, как разрешает Советская Россия на деле проблему своего «дружеского» сосуществования с национал-социализмом. Означает ли германо-советский договор, что Советская Россия отказывается от целей социалистического строительства и берет курс на сближение с нацизмом, способствуя всячески его укреплению, или же здесь пред нами лишь обходный маневр, использующий в интересах СССР панический страх Германии перед войной на двух фронтах.

Протекающие сейчас события бросают, действительно, своеобразный свет на цели советской внешней политики и на характер взаимоотношений СССР с Германией.

Каковы бы ни были планы Гитлера при заключении пакта и какие бы выгоды он до сих пор из него ни извлек, баланс оказывается для него явно отрицательным. Союз с Советской Россией привел Германию на практике к сдаче важнейших для нее позиций. Вследствие ли предварительных соглашений или же поставленный перед угрозой наступающей красной армии Гитлер вынужден был отказаться от основ-

ных целей своих завоевательных стремлений в Европе: от «движения на восток» в поисках «жизненного пространства». Советская Россия разрушила планы германского господства на Украине, в Прибалтике, подорвала германское влияние на Балканах. Создалось парадоксальное положение, при котором СССР, не будучи союзником Англии и Франции, выполнил в то же время чрезвычайно важную для них задачу, создав непреходимый заслон продвижению Германии на восток и юго-восток Европы. Не кто иной как английский морской министр Черчилль в своей речи, подводившей итоги первого месяца войны, констатируя эту новую военно-стратегическую обстановку, признал огромное положительное значение для союзников вступления Советской России в войну.

В то же время не только парализован динамизм нацизма в Европе, но и подорван в корне интернационал мировой реакции, нашедшей свое выражение в «антикоминтерновской оси». Разрыв этой «оси», отход от Германии Японии, Испании, колебания Италии, военный нейтралитет входивших ранее в орбиту Германии стран, — таково разрушительное влияние пакта, на которое вряд ли рассчитывала Германия при его заключении.

Но и в самой Германии следствия пакта сказываются в подрыве идеологических устоев национал-социализма, в разложении доселе монолитного аппарата власти, в укреплении антинацистских тенденций среди населения. Иностранцы корреспонденты, вероятно, предвосхищают события, когда они уже сейчас пишут о «большевизации» Германии, но вряд ли можно сомневаться, что потрясения, вызванные пактом, развяжут массовые движения и создадут в стране благоприятные условия для революционной борьбы против существующего режима.

Наряду с этим огромное значение приобретает влияние советской экспансии. Осуждая насильственные методы захвата новых территорий, приходится все же признать, что в районах, переходящих к Советской России, происходит коренная перестройка существовавших здесь социальных отношений в направлении удовлетворения интересов широких масс. Несмотря на отрицательные стороны своего политического режима, СССР несет населению занятых областей освобождение от национального и социального угнетения. И эти социальные сдвиги не могут не оказывать воздействия на пограничные с СССР страны, на смежные районы германской оккупации.

Совокупность всех этих фактов приводит к выводу, что заключением пакта с Германией Советская Россия не только не преследует задач действительной помощи нацизму, но стремится, наоборот, к максимальному подрыву его материальных и идеологических позиций. Выполняя сложный стратегический план, Советская Россия старается, используя затруднения национал-социализма, и расширить всемерно сферу собственного влияния, и открыть шлюзы для социальных движений в других странах. Это развитие настолько неизбежно должно привести в более или менее близком будущем к военному конфликту с Германией, что уже сейчас вся дипломатическая деятельность Советской России направлена на то, чтобы обеспечить за ней в случае столкновения с нацизмом наиболее выгодные военно-стратегические позиции.

Правильное понимание действительных целей, преследуемых СССР в ее договоре с Германией, чрезвычайно важно для оценки политических перспектив и тенденций развития. Но необходимо подчеркнуть, что если СССР попрежнему ставит ставку на преодоление нацизма, то методы осуществления этих целей на путях сговора и союза с этим непримиримым врагом придают новой внешней политике Советской России характер революционного авантюризма, увлекающего СССР на чрезвычайно опасные пути.

Азартная игра, которую ведет сейчас Сталин, уже привела к тому чудовищному положению, что СССР выступает во вне солидарно с гитлеровской Германией, что занятием части Польши он как бы санкционирует агрессию и разгром, совершенный здесь Гитлером. Согласованные выступления, поддержка мирных предложений фюрера, смещение на международной арене целей советской политики с целями нацизма, угрожают тем, что борьба против гитлеризма может перерасти в борьбу против Советской России.

Советское правительство переносит в настоящее время в область внешней политики те рискованные методы форсирования развития и безоглядного экспериментирования, которыми оно в СССР пыталось «перехитрить историю». Но если внутри страны Сталин все же имел в своих руках все рычаги управления, позволявшие ему своевременно тормозить летеющую под откос государственную машину, то во внешней политике, где этих возможностей ему не дано, революционный авантюризм может привести к самым тяжелым последствиям для судеб советского строя и в конечном счете и для судеб социализма.

**

Уже сейчас мы являемся свидетелями рокового влияния новой советской политики на международное рабочее движение.

В борьбе, которая велась в последние годы против германского нацизма, против нацизации демократических стран, Советская Россия, социальный антипод нацизма, наиболее им угрожаемый, являлась в галзах широких масс естественным вождем выступающих против нацизма отрядов. Собирающие пролетарских и демократических сил вокруг Советской России для ее защиты и возглавление Советской Россией борьбы против наступающего нацизма, так намечались взаимоотношения между Советской Россией и международным пролетариатом, такова была линия внешней политики, защищаемая коммунистами и частью левых социалистов.

Нельзя, конечно, не учитывать того факта, что за последние два года раскол внутри рабочего движения вновь углубился, и объединительные попытки со стороны коммунистических партий и их интернациональных центров терпели систематически неудачу, тем не менее в глазах широких масс Советская Россия оставалась попрежнему символом непримиримой борьбы против нацизма, и союз с ней рассматривался как необходимое условие победы над нацистским агрессором.

Соглашение Советской России с гитлеровской Германией спутало все карты, привело к совершенной дезориентации рабочих масс, опрокинув все казавшиеся незыблемыми политические понятия и представления. В момент начавшейся войны, когда от пролетариата требуется наибольшая сплоченность, наибольшая твердость и решительность в осуществлении стоящих перед ним целей социального освобождения, рабочий класс брошен в обостренную междоусобную войну.

Если сталинская стратегия означает курс на развязывание в более или менее близком будущем революционных движений на востоке и юго-востоке Европы, то непосредственно она привела к сильнейшему подрыву организованного движения передовых европейских стран.

**

Я не могу останавливаться подробно на тактике, которую диктует международному пролетариату создавшаяся в связи с германско-советским пактом сложная и противоречивая ситуация. Хочу только подчеркнуть ту бесспорную, мне кажется, для всех социалистов мысль, что из этого положения нужно выйти с наименьшими для рабочего класса и для социализма потерями.

Пролетариат Запада должен отдать себе отчет в том, что именно его неспособность выполнить исторически стоящую перед ним задачу строительства социализма лежит в основе всей переживаемой катастрофы.

Мировое рабочее движение в своей борьбе за конечные цели не может не учитывать того, что несмотря на ту или иную ошибочную политику коммунистического руководства, Советская Россия остается революционизирующим фактором огромной силы, который не может быть сброшен со счетов, если пролетариат хочет добиться окончательной победы.

Нельзя забывать и того, что раз'едающие рабочее движение язвы сконцентрированы не на одном только подлесе, что революционному авантюризму слева противостоит реформистская — антиреволюционная — политика справа. Даже в вопросе о поддержке Гитлера имеется — с сохранением всех пропорций — параллельная акция на правом фланге, так как блок возглавляемых социалистами нейтральных стран является сейчас одним из главных поставщиков необходимых Германии товаров.

Пролетариат входит в войну в исключительно тяжелых условиях организационной и идейной распыленности, и только преодоление раскола и мобилизация всех активных пролетарских элементов может позволить ему закончить войну на путях победы нового социального строя.

ТОВАРИЩ,

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ

Заметки

МИР ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

Лондонский «Таймс» печатает под заглавием «Цели войны» письмо пользующегося мировой известностью английского писателя Г. Г. Уэллса. В академической форме, приличествующей высоко-консервативному органу, письмо это высказывает мысли, заслуживающие и нашего внимания. Уэллс пишет:

«...Уже к концу мировой войны стало всеобщим ощущение, что предстоит великая революция во всех человеческих отношениях. Пароль: «война, чтобы изгнать войну со света» выражал это широко распространенное ощущение, и то был, несомненно, глубочайший разрыв со старыми традициями и существующими формами правления.

«Но эта революция не осуществилась. Лига Наций, — теперь можно высказать это, — была жалким и чахлым плодом революционной мечты об изгнании вооруженных конфликтов со света и о начале новой жизни для человечества. В ней сохранилось слишком много от старого, она осталась половинчатой и дипломатичной. И так как, — все больше людей начинают понимать это теперь, — достижение мира и безопасности на земле невозможно уже без глубокого переворота самих методов человеческой жизни, то на деле мировая война вовсе не закончилась, а тлела в течение двух десятилетий, — в течение бесплодных двадцатых годов и наполненных страхом тридцатых, — чтобы ныне снова вспыхнуть ярким пламенем.

«Теперь, на высшей ступени напряжения, насилия и разрушения, на более широкой базе страданий, мы стоим снова там, где стояли в 1914 году, и решающий вопрос, поставленный перед человечеством, заключается в том, способно-ли оно на этот раз решительнее взяться за тот глубокий переворот идей и отношений, за ту мировую революцию, от которой оно отшатывалось в течение четверти века. Но успешная и открывающая новую эру человеческого счастья и человеческих идеалов революция может быть подготовлена лишь всесторонним и беспощадным обсуждением всех сторон и всех возможностей нынешнего положения...

«Перед нами — урок великого русского опыта. Что бы ни думать о результатах социалистического движения, воплотившегося после 1848 года главным образом в коммунизме, теперь не может быть спора о принципиальном великолепии идеи охватывающего весь свет, международного строя социальной справедливости, всемирного мира, в котором нет места стимулу частной выгоды.

«Но с самого возникновения своего это движение подвергалось преследованиям. Оно не могло свободно и открыто говорить то, что имело сказать; оно превратилось в мировое движение, на котором, помимо его воли, лежит печать потаенности. Последствием недопущения свободного и открытого обсуждения революционных и даже самых крайних учений было их оттеснение в нелегальность. Это отнюдь не спасает переживший себя упадочный режим, но это толкает критиков его, думающих о создании нового строя, к заговорщицким приемам, к террористической конспиративности, к окаменелому догматизму.

«Когда наконец вспыхнула русская революция, руководство ею попало в руки людей, выросших в нелегальности, и советский режим, который не имел практического опыта и которому поэтому надо было бы всему

учиться, отгородился от Запада недопущением свободной дискуссии и свободной взаимной критики и выродился в нынешний замкнутый, произвольный, личный режим.

«То была революция во мраке! Но наш западный мир: на своем совершенно неизбежном пути к мировому коллективизму не может-ли он позаботиться о том, чтобы это преобразование его совершалось при полном дневном свете, в атмосфере полнейшей откровенности и взаимной терпимости?

«Что меня сейчас больше всего пугает, — это явно угрожающая новая малодушная отсрочка нашего стремления к новому миру каким либо повторением призрачного Женевского учреждения... Война под знаком противовоздушной обороны погружает все во мрак. Но не нужно-ли нам хотя бы на мировых путях иметь больше света?..»

В дискуссии на столбцах «Таймс» принял, между прочим, участие известный публицист Уикхэм Сид, пропагандирующий, в качестве цели войны, демократическую федерацию Европы; эта мысль имеет много сторонников в кругах английской интеллигенции. Левый еженедельник «Нью Стэтсмен энд Нэйшен» настойчиво требует, чтобы Англия, хотя бы в пропагандистских интересах, конкретнее формулировала свои цели войны. Но как раз против этой мысли возражал «Таймс» в редакционном примечании к письму Уэллса. Но дискуссия и брожение мыслей продолжают, и мысли подобные Уэллсовским, даже выраженные языком, мало доступным пониманию широких масс, обнаруживают не малую притягательную силу.

(«Дер Социалистише Кампф», № 20).

ЖИРОМСКИЙ О ПРОГРАММЕ МИРА.

В «Попюлер» от 15 октября лидер левого крыла французской Социалистической Партии, Жан Жиромский, поместил статью, представляющую собою как бы проект декларации партии и, как оговаривает автор, учитывающую в своих формулировках «неизбежные оттенки» партийной мысли. Мы даем здесь в переводе существенную часть этой интересной статьи.

Редакция.

Формулируя свою позицию в условиях войны, развязанной совместно волею Гитлера и Сталина Социалистическая Партия, Французская Секция Рабочего Интернационала, подтверждает свою верность международному социализму, одним из основных принципов которого всегда была независимость народов. Партия считает поэтому необходимым безоговорочно провозгласить необходимость восстановления польской нации, как и нации чешской, этих жертв германского и русского империализма.

Она решительно протестует против германо-советского пакта, против его дальнейшего развития и его последствий, означающих насилие над правом народов на самоопределение, против последних Кремлевских договоров, создающих серьезную опасность для нашей страны, вынужденной по своему географическому положению принимать на себя тяжесть и удары германских сил.

Полагая, что в данных обстоятельствах дипломатия правительств Франции и Великобритании должна непрерывно пытаться использовать возможный германо-славянский антагонизм, партия все-же считает необходимым заявить без

оговорок, что политика Сталина, как она сейчас развивается, не имеет ничего общего с международным социализмом. Она является ничем иным, как возвратом к политике империалистической, которую международный социализм всегда осуждал и против которой он боролся.

Именно в силу своего интернационализма Социалистическая Партия стоит в первом ряду защитников национальных свобод, свободы всех наций; поэтому, высказываясь безоговорочно за восстановление польской и чешской наций, она высказывается одновременно за право на существование и германской нации.

Она еще раз заявляет о своей формальной оппозиции ограниченному и слепому национализму и отвергает всякую мысль об аннексии хотя бы самой малой части германской территории; она отказывается даже обсуждать расчленение Германии, как операцию, которая противоречила бы долговременной исторической эволюции.

Справедливый и прочный мир, которого социализм добивается и к которому он не перестает стремиться во всякое время, каковы бы ни были обстоятельства, может быть основан лишь на **международной организации**, объединяющей различные государства. В международной практике социализма ищет Социалистическая Партия наиболее действительных способов создать действительный международный союз наций, установить действительное экономическое сотрудничество для обеспечения справедливого распределения сырья путем развития и регулирования обмена, начать и прогрессивно осуществлять подконтрольное разоружение. Федеративные системы, скрепляющие связь между народами, статуты, гарантирующие существование и культурные права национальных меньшинств, включенных в границы государств, экономические соглашения, ослабляющие непроницаемость изве-

стных территориальных разграничений, — целый комплекс конкретных решений намечен методами международного социализма.

Социалистическая партия знает, что для достижения этих целей, как впрочем и для ограждения безопасности нашей страны и неприкосновенности ее границ, необходимо исчезновение политической и экономической системы гитлеризма. Этот режим, основа и поддержка всех сил международной реакции, по самому существу своих основных принципов несовместим ни с какой международной организацией народов, ни с каким экономическим сотрудничеством, ни с каким разоружением. Его исчезновение является верной и необходимой гарантией безопасности Европы и всего света.

Чтобы с уверенностью достичь этой цели, франко-британская солидарность должна, по мнению Социалистической Партии, крепнуть со дня на день, и партия клеймит маневры, которыми нацистская пропаганда пытается эту солидарность порвать.

Партия полагает, что военные операции на суше и на море должны сочетаться с усилением блокады.

Но, помимо того, в систематической и настойчивой пропаганде, осведомляющей весь мир о целях Франции и Великобритании, она видит способ вызвать в Германии народные движения, способные укоротить длительность войны.

Она считает, что тут именно имеется поле действия, соответствующее специфическим задачам международного социалистического движения.

Социалистическая Партия убеждена, что таким образом намечаются основы политического ведения войны, соответствующего интересам нации и социализма. В эту сторону она направит свои усилия со всею твердостью и энергиею, требуемыми развитием международной ситуации.